

ПОВЕСТЬ Н.В. ГОГОЛЯ «ПОРТРЕТ» В КОНТЕКСТЕ ПОЭМЫ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»

Устюгова М.Е.

**Научный руководитель канд. филол. наук, доцент В.К. Васильев
Сибирский федеральный университет**

Работа посвящена исследованию повести «Портрет» и поэмы «Мертвые души» как единого текста в художественном мышлении Гоголя. Серьезное внимание нами уделяется проблеме антимира – перевернутого, зеркального, имеющего признаки потустороннего пространства по отношению к пространству «обыденному». Прежде всего сквозь призму данной проблемы мы рассмотрим указанные произведения на наличие межтекстовых и контекстуальных связей.

Тема «антимира» рассматривалась Б.А. Успенским, Д.С. Лихачевым, Ю.М. Лотманом, В.К. Васильевым и др. Б.А. Успенский определяет антимир через антиповедение, которое характеризуется им как «обратное», «перевернутое», «опрокинутое». Это «поведение наоборот», «замена тех или иных регламентированных норм на их противоположность» [6], но характер такого противопоставления заранее не определен. В концепции Д.С. Лихачёва антимир древнерусской культуры связан со «смеховым миром». Вместе с Д.С. Лихачевым данную концепцию разрабатывал А.М. Панченко, впоследствии их соавтором в издании книги «Смех в древней Руси» (1984) стала Н.В. Понырко. Несмотря на то, что названные авторы рассматривают тексты древнерусской литературы, мы будем использовать их теоретические положения. Под «антиповедением» мы будем понимать любое обращение культурно-психологической нормы в свою противоположность, со знаком «минус». В мире упорядоченном высшим сакральным образом / образцом является Христос, в антимире – Антихрист [см.: 2]. В нашей работе концепт «антихрист» будет тексто- и смыслообразующим.

Повесть «Портрет» неоднократно становилась объектом исследовательских рефлексий. Несмотря на это она остаётся произведением актуальным и неисчерпаемым. Существует две редакции повести. Первая была опубликована в 1835 году. В 1842 году в свет вышла вторая редакция, значительно отличавшаяся от предыдущей. На ее создание повлияли та (относительно) новая художественно-психологическая концепция, которая была связана с замыслом «Мертвых душ».

Главным героем повести является молодой художник Чартков. Внешность его заурядна, он беден, о его появлении на свет и его семье мы ничего не знаем: «Старая шинель и нешегольское платье показывали в нем того человека, который с самоотвержением предан был своему труду и не имел времени заботиться о своем наряде, всегда имеющем таинственную привлекательность для молодости» [5, т. 3, с. 80]. Но прежде всего это юноша с талантом, способностями и тягой к искусству, которые он не реализовал. Переломным моментом в судьбе Чарткова является находка: он обнаружил деньги в раме купленного портрета. Художник в ситуации перепутья делает ложный выбор, он очаровывается силой денег: «в душе его возродилось желанье непреборимое схватить славу сей же час за хвост и показать себя свету» [5, т. 3, с. 98]. Но полученное им – не его заслуга. «Слава не может дать наслажденья тому, кто украл ее, а не заслужил; она производит постоянный трепет только в достойном ее». Стремление принадлежать другому миру делает художника одержимым золотом. Он «уже готов был обратиться в одно из тех странных существ, которых много попадает в нашем бесчувственном свете» [5, с. 218].

Перемещение в сферу антимира связано с обращением ценностей. Тяга к искусству сменилось тягой к богатству: «Все чувства и порывы его обратились к золоту. Золото сделалось его страстью, идеалом, страхом, наслаждением, целью. Пуки ассигнаций росли

в сундуках, и, как всякой, кому достается в удел этот страшный дар, он начал становиться скучным, недоступным ко всему, кроме золота, беспричинным скрягой, беспутным собирателем...» [5, т. 3, с. 110].

Определяющие черты «нового» Чарткова сопрягаются с чертами, главенствующими в образах помещиков из поэмы «Мертвые души». Двойниками Чарткова выступают Коробочка, с ее мелочной бережливостью и желанием не продешевить, Плюшкин, которого тяга к накопительству довела до безумия, до распада личности. Но более всего Чартков близок Чичикову с его идеалом «копейки», ради которой тот готов идти дорогой преступлений. Персонажи поэмы – герои из сферы антимира. В этом отношении Чартков тоже житель сборного города NN. Итог его жизни – непокаянная гибель. Он определен собственной виной художника, который не нашел духовных сил оказать сопротивление Антихристу.

Искусителем Чарткова является ростовщик Петромихали. Он как объект портретирования становится символом не просто безыдеальной реальности, но еще и пронизанной inferнальным началом. Это образ Антихриста, искусителя, лукавого. В «Мертвых душах» параллелью к образу ростовщика является Чичиков. Оба одержимы бесами, это двойники адского искусителя. Их демонический облик складывается при помощи следующих авторских приемов:

1. Внешность обоих персонажей таинственна и мифологизирована. В описании одежды (брусничная фрак с искрой [см.: 3]) Чичикова и глаз (страшных, огненных) Петромихали присутствует символика красного цвета, преисподней. За внешней экзотической внешностью ростовщика через тайну глаз вскрыто его душевное безобразие. «Между ростовщиками был один – существо во всех отношениях необыкновенное, поселившееся уже давно в сей части города. Он ходил в широком азиатском наряде; темная краска лица указывала на южное его происхождение, но какой именно был он нации: индеец, грек, персиянин, об этом никто не мог сказать наверно. Высокий, почти необыкновенный рост, смуглое, тощее, запаленное лицо и какой-то непостижимо-страшный цвет его, большие, необыкновенного огня глаза, нависшие густые брови отличали его сильно и резко от всех пепельных жителей столицы» [5, т. 3, с. 110].

2. Род деятельности обоих персонажей напрямую связан с мотивом денег, полученных неправедным путем. Петромихали с помощью своих богатств, нажитых ростовщицеством, губит человеческие души, а деяния Чичикова связаны с покупкой мертвецов. Обе деятельности героев идут в разрез с христианскими традициями и христианской моралью. М.Я. Вайскопф пишет: «С точки зрения русской специфики существенно, что ловля и скупка душ, производимые Чичиковым, строящим богатство на трупах в старообрядческом и вообще народно-религиозном мифотворчестве прямо ассоциируются, как настойчиво подчеркивает сам Гоголь, с деяниями Антихриста» [1, с. 527; 3]. Не случайно в уста Чичикова Гоголь вкладывает слова: «мертвые души – дело не от мира сего» [5, т. 6, с. 53].

3. Оба героя изгой, каждый по-своему.

4. Оба приносят лишь беды и несчастья людям (мотивы антимира).

5. Персонажи легко манипулируют людьми, используют их сугубо ради своих корыстных целей.

6. М.Я. Вайскопф пишет, что существует два варианта встреч с искусителем. Первый определяется мотивом дружбы-соблазна: «Упреждая героя, искуситель сам навязывает ему свою дружбу» [1, с. 115]. Этот вариант соответствует приезду Чичикова в город NN. Герой расспросил полового о важных лицах в городе и «первый стал делать визиты деятельным лицам» [5, т. 6, с. 13]. В остальных случаях антихриста находит сам герой. Чартков покупает портрет ростовщика и приносит его домой.

Финал повести символичен. Портрет Петромихали-дьявола не был уничтожен, он пропадает. Дьявол, его образы и его дух будут жить в этом мире. Человечество не в силах

уничтожить зло, но человек способен ему противостоять. «Новый финал был более "пессимистичен", но зато более правдив и неизмеримо более значителен» [6, с. 228].

Таким образом, «Портрет» и «Мертвые души» – это произведения, в центре которых демонический образ, феномен дьявольской силы, связанной с властью денег, новых финансово-денежных реалий. Повесть выступает своеобразным автокомментарием к поэме, это гоголевское размышление о цели искусства и предназначении художника, его духовной миссии. Номинация Петромихали и Чичикова адскими духами свидетельствует о трагическом состоянии обновленного мира. Демон, Антихрист, как главный противник Бога очеловечился на земле, укоренился в разнообразных русских типах: в помещике, чиновнике, любителях быстрой наживы, добытой преступным путем.

В «Портрете» показано как inferнальное начало вторгается в искусство, в «Мертвых душах» антихрист влезает в саму повседневность. Душа художника стала местом столкновения высших противоборствующих сил. Чартков погубил свой талант. Гоголь нет. Результатом становится формирование у героя «Портрета» эстетической концепции противоположной гоголевской, концепции сопрягающейся с антимиром.

Герой «Портрета» погибает не покайсявшись. Перерождение Чичикова становится невозможным. В итоге происходит трансформация, смещение реального мира в сферу потустороннего, антимира мертвых душ. Понимая это, Гоголь сжигает второй том поэмы. Так, параллелью к образам ростовщика и Чичикова строится сюжет о Гоголе, который связывает воедино его поздние произведения [см.: 4]. Гоголь служил России, как служат Господу, его служением было творчество. Словом он противостоял соблазнам антимира. Его произведения вводят в сферу познания не только русской души, но и души человека вообще, самопознания.

«Портрет» входит в контекст «Мертвых душ» не только на уровне персонажей и деталей, но и на уровне пространства. Об этом свидетельствует схожесть основных мотивов судеб главных героев, а также однотипность города NN и Петербурга. Таким образом, мы утверждаем, что «Портрет» и «Мертвые души» являются одним целым. В этой художественной пространственности мы обнаруживаем по преимуществу мир мертвых душ противоположный живому. Искушение ценностями антимира человека, талантливого или обыкновенного, – основная сюжетно-психологическая коллизия позднего Гоголя.

Список литературы:

1. Вайскопф М.Я. Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст. М.: Изд-во РГГУ, 2002. 685 с.
2. Васильев В.К. Сюжетная типология русской литературы XI-XX веков. Архетипы русской культуры. *От Средневековья к Новому времени*. Красноярск, 2009. 260 с.
3. Васильев В.К. Чичиков и Гоголь. *Ст. первая*. К семантике образа и жизнеописания Чичикова // Сибирский филологический журнал. Новосибирск: НГУ. 2010. № 1. С. 26-33.
4. Васильев В.К. Чичиков и Гоголь. *Ст. вторая*. Разгадка и «великий перелом» // Сибирский филологический журнал. 2010. Новосибирск: НГУ. № 4. С. 39-46.
5. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений в 14 т. Л.: Акад. наук СССР, 1937–1952.
6. Ермилов В.В. Н.В. Гоголь. М.: Советский писатель, 1953. 445 с.
7. Успенский Б.А. Антиповедение в культуре древней Руси // Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. М., 1994. URL: <http://xn--80ajqvvn--p1ai/referat/9847/> (дата обращения: 25.06. 2013).